

*Ирина Глебова
г. Харьков, Украина*

**СЛОВО, НЕСУЩЕЕ СВЕТ И ДОБРО
(ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЗАМЕТКИ
О МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ХАРЬКОВА)**

МИРЫ ТАЗРЕТА БЯЗРОВА

В русской культуре есть уникальное явление: большой пласт литературы на великолепном русском языке создан писателями не русской национальности. Ещё в 18-м веке творили во славу русской литературы несколько подзабытые молдаванин Дмитрий Кантемир, турок Фёдор Эмин. Но вот уже в 19-м – любимый всеми украинец Николай Гоголь. Мои ровесники, чья молодость проходила в семидесятые-восемидесятые годы теперь уже прошлого века, жили в трепетном ожидании новых книг своих любимых писателей – Фазиля Искандера, Чингиза Айтматова, Олжаса Сулейменова... Абхазец, киргиз, казах, они писали рассказы, повести, романы, поэмы и стихи на русском языке. Я рада, что творчество этих великих мастеров слова, после некоторого искусственного забвения, вновь возвращается к новым поколениям читателей.

Автор книги «Мученик чести», которая вышла недавно в городе Харькове, тоже родился в далёкой горной Северной Осетии-Алании. Молодые его годы прошли там, на Северном Кавказе: он окончил Дагестанский государственный медицинский институт, затем аспирантуру, работал сельским врачом в Кабардино-Балкарии. Если бы тогда, в молодые годы, Тазрет Бязров начал писать прозу, уверена: он сейчас был бы так же известен и любим, как и его именитые ровесники – названные выше писатели. Но он взялся за перо сравнительно недавно, уже будучи на пенсии. Однако, роман «Мученик чести» – книга зрелого, талантливого мастера, которая волнует и трогает, заставляет негодовать и любить. Что особенно подчёркивает мастерство автора, это то, как он русским языком передаёт колорит иных традиций, иного народа. Это Тазрету Бязрову удаётся так же здорово, как и Айтматову, Искандеру...

Северная Осетия-Алании, место, называемое Дигорией... Это – родина Тазрета Александровича. Там, в селении Новый Урух, прошло его детство, там он слышал от своей матери легенду о герое своего народа – Гуймане Цалкосове. Эта легенда и легла в основу романа.

Мир Дигории интересен нам своей необычностью: аулы в горах, обращение к жене – «Наша женщина», и к мужу – «Наш мужчина», всеаульский кувд (пир), ритуалы с жертвенными животными, жестокие абреки... Но это лишь внешняя сторона. По-настоящему интересна жизнь дигорцев теми человеческими, нравственными ценностями, которые близки и всем нам... Главный герой, Гуйман, переживает многие трудности, но это не ожесточает его сердце. Он ещё мальчиком видел гибель отца в горах, потом его ждал тяжёлый крестьянский труд, зависимость от алдаров (феодалов), многодетная семья. Роковым становится для Гуймана день, когда, на охоте, он видит случайно, как угоняют всё аульское стадо. Дальше его жизнь отравлена подозрением земляков, но, однако, когда Гуймана арестовывают, на его выкуп собирают деньги всем аулом... Герой повести сдержан, немногословен, как будто замкнут в себе, но его характер выписан автором настолько психологически достоверно, что когда повесть подходит к концу, когда в день похорон Гуймана раскрываются все тайны – тот подвиг, который он совершил ради своих односельчан и о котором всю жизнь молчал, – от волнения перехватывает горло! И мы, читатели, по-новому видим и оцениваем одинокого, мрачноватого человека, который слышал песни и легенды, уже ходившие в народе о нём, – и не признавался...

Хочу вспомнить ещё одну книгу писателя. Но сначала – небольшое разъяснение. Тазрет Александрович Бязров, врач-фтизиатр, кандидат медицинских наук, в семидесятые годы несколько лет заведовал кафедрой медицинской патологии в столице Гвинейской Республики. Он занимался там и практической деятельностью, и вёл обширную научную и преподавательскую работу. Достаточно сказать, что там, в Гвинее, вышли два его сборника «Актуальные проблемы медицины в Гвинее», издавались работы: «Рентгенологическая диагностика туберкулёза лёгких», «Диагностика туберкулёза лёгких у взрослых» и другие. Им были написаны несколько учебных пособий для студентов (причём, написаны на французском языке), по которым до сих пор учатся студенты-медики в Гвинее (Бомако), Гвинейской Республике (Конакри), Конго.

Книга «Точка на карте Африки» – художественное произведение, но виденное и пережитое автором лично, конечно же, легло в её основу. Интересна книга и тем, что дело происходит именно в чужой африканской стране, и тем, что главные герои – советские врачи, работающие и преподающие в Конакрийском университете. И, надо сказать, этот собственный опыт автора делает повествование таким достоверным и увлекательным. И во многом неожиданным.

Неожиданности начинаются с первых страниц книги: в Конакрийском аэропорту идёт досмотр вещей прилетевших и улетающих европейцев. Таможенники медлительны и высокомерны, вот один из них замечает: один из болгарских строителей, работавших в стране, а теперь отбывающий на родину, пытается тайком провезти попугайчика-неразлучника. Он знает, что существует строгий запрет на вывоз этих птиц из Гвинеи, но попугая подарили ему местные друзья ещё птенцом, они – птица и человек, – привязались друг к другу. Болгарин пытается объяснить это таможеннику, а вырвавшийся и летающий по зданию попугайчик словно подтверждает это: доверчиво садится на плечо своего хозяина. И тогда таможенник хватается за птицу, отрывает ей голову, а окровавленное тельце кладёт в ладонь болгарину – мол, вот таким образом можешь увозить... Эта сцена шокирует не только жестокостью: она как бы предупреждает читателя – не так просто будет героям в этой экзотической стране, куда они приехали помогать африканцам, только-только обретшим свободу... И дальше в повести очень много интересного и неожиданного: стройные, красивые гвинейцы, дивная экзотическая природа, океан... А на фоне этого: загадочная история с телом Кваме Нкрума, стрельба в университетских коридорах, солдаты, отбирающие шпаргалки у студентов на экзаменах, аресты советских специалистов, запрет фотографировать на улицах...

Я помню эти годы: шестидесятые – начало семидесятых. Мы были такими искренними интернационалистами, читали в газетах об угнетённых африканский «братьях», радовались их освободительной борьбе, переживали убийства конголезца Патриса Лумумбы, первого президента Ганы Кваме Нкрума, вождя Гвинеи (Биссау) Амилькара Кабрала... Когда освободившееся африканское государство избирало «социалистический» путь развития, были просто счастливы, готовы помочь, прийти на помощь. И, казалось нам тогда, – африканцы тоже любят нас, как старших братьев и учителей. И только теперь, читая книгу Тазрета Бязрова, я с удивлением узнавала, что не очень-то нас любили и жаловали в Африке. Герои повести, советские врачи, постоянно сталкиваются с грубостью, пренебрежением, ответами вроде этого: «Замечания будете делать людям своей страны!»...

«Несколько дней назад был в музее на художественной выставке и сразу же обратил внимание на картину Д. Бассано (16-й век) «Моисей иссекает воду из скалы». Там на переднем плане изображена собака... Измученная и тощая, она жадно пьёт долгожданную воду из человеческой миски... Что хотел сказать художник, поместив собаку среди людей на передний план? Видимо, он хотел сказать, что люди любили собак ещё с глубо-

кой древности, никогда их не покидали, даже в несчастье, даже на грани гибели народа, а собаки оставались преданными и верными, готовыми погибнуть вместе с человеком»...

Это цитата из любимой нами всеми повести «Белый Бим Чёрное ухо» писателя Гавриила Троепольского. Её любят все, кто любит собак. Но вот парадокс: в нашем городе тоже вышла книга такой же пронзительной эмоциональной силы, и тоже о трагической судьбе собаки – но кто знает о ней? А ведь получи это произведение широкий доступ к читателям, и я уверена – оно стало бы любимым многими и многими. Это книга Тазрета Бязрова «Дворняжка». Она – о трагической доле собаки Даши, оказавшейся не просто без хозяина, но и в далёкой чужой африканской стране. Её хозяин, врач из Харькова, трагически погиб, собака осталась одна, ждала и искала его. Местное население, от маленьких детей до взрослых, устраивали на неё облавы... Впрочем, не стану описывать приключения Даши, её трогательное доверие к белым людям, особенно говорящем на русском языке, её поистине необычное и радостное возвращение в Харьков, в семью хозяина, и её, увы, печальную участь, напрямую связанную с Африкой. Это всё надо читать, потому что лучше, чем рассказал об этом писатель Тазрет Бязров, я рассказать не смогу.

Тазрет Александрович Бязров ушёл из жизни в 2012 году, прожив 88 лет. Но он успел завершить и издать книгу, над которой трудился последние годы. У неё интересное название – «Из Секерского этюдника». Секер – так называлось селение, именуемое ныне Новый Урух. Секером оно было в годы детства автора, а начинается он как раз с детских воспоминаний. Потом он уходит в ещё более давние времена, к середине 20-х годов прошлого века: первая часть книги посвящена интереснейшим записям, найденным автором в архивах, забытым и заброшенным. Они касаются как раз жителей Секера, их быта, их традиций и обычаев. В те годы, когда так резко менялся социальный строй и сама жизнь, трудно происходило соединение старого, векового, и новых веяний... Тазрет Бязров рассказывает об этом просто увлекательно. Оказывается, и нам, людям славянской культуры, читать эту книгу очень интересно. По жанру я определила бы её как «роман-быль», потому что написана книга средствами художественного произведения, но основана на реальных событиях. Отталкиваясь от упоминания в первой части семьи бедняка Аслангерия, автор во второй части продолжает рассказ о судьбах этих простых людей. Потому что Аслангерий – его отец, и это его, Тазрета Бязрова, семья...

В книгах Тазрета Бязрова есть и добро, и зло. И не всегда добро побеждает – в этом правда жизни и правда настоящей литературы. Но в ду-

шах читателей эти книги оставляют самые добрые и светлые чувства, которые от переживаний и печали становятся ещё более светлыми. В этом высокий гуманизм творчества писателя.

«НЕТ КРЫЛЬЕВ, НО ВЗЛЕТАЮ ВВЫСЬ...»

В конце тридцатых годов Харьков, перестав быть официальной столицей Украины, несомненно оставался её литературной столицей. Помимо того, что в городе работали выдающиеся писатели, в те довоенные годы здесь издавалось около тридцати журналов на самых разных языках, не считая украинского и русского – татарском, армянском, польском, молдавском, выходили книги. Сейчас, через много лет, эта традиция возрождается в нашем городе. И связано это, в первую очередь, с именем поэтессы Анаит Саркисян. Её книги в наших харьковских издательствах выходят в оригинале – на армянском языке, в переводе на русский, украинский. Она, являясь несомненно армянским литератором, в то же время – член Национального Союза писателей Украины.

Анаит Саркисян родилась в армянском городе Степанаване. Детство вспоминается ей счастливой порой: свой большой дом, сад, большая дружная семья. В доме любили книги, музыку, детям старались дать хорошее образование. Анаит окончила Ереванский университет, экономический факультет. Но, сколько она помнит себя, всегда писала стихи. Однако в молодые годы ей пришлось столкнуться с пристрастием чиновников от литературы, с непонимание начальства: почему она, преподаватель экономики в техникуме, собирает ребят в какую-то «литературную студию», говорит с ними о поэзии...

Выйдя замуж за харьковчанина, Анаит стала жить в нашем городе. К этому времени она окончила, учась заочно, ещё один факультет Ереванского университета – филологический. Тоскуя по родной земле, по родному языку, она организовала в Харькове клуб общения армян и изучения армянского языка. Ведь многие армяне, родившись и всю жизнь прожив в Украине, не знали своего родного языка, хотя и хотели этого. К ней потянулись соотечественники, и вскоре клуб общения стал настоящим армянским культурным центром. Концерты и выставки, фестивали и дни письменности – это лишь малая часть вклада Армянского Культурного Центра и его президента Анаит Саркисян в культурную жизнь Харькова и других городов Украины. Несколько лет назад Анаит Саркисян создала при своей организации клуб «Солнце Востока», который собрал под крыло не только живущих в Харькове представителей восточных наций:

«Солнце Востока» щедро греет и приветчает русских и украинцев, немцев и поляков, эстонцев и белорусов.

Анаит прекрасно поёт песни на армянском языке – песни, к которым она сама сочиняет не только слова, но и музыку. Недаром первая её книга «Дороги, дороги» имеют подзаголовок «песни». Эти песни много раз звучали в концертных залах города, с телеэкранов, вышли две кассеты. И всё-таки главное в творческой жизни Анаит Саркисян – это её поэзия, её книги.

В 1916 году вышла в свет знаменитая антология Валерия Брюсова «Поэзия Армении с древнейших времён до наших дней». Именно тогда и состоялось по-настоящему первое серьёзное знакомство русского читателя и с армянским народным творчеством, и с армянскими авторами. И сразу стало ясно – это прекрасная, высокая поэзия. С того времени никогда не угасал интерес к армянской поэзии. Анаит Саркисян – истинная преемница лучших армянских авторов.

Поэзия – это слово, обращённое к самым сокровенным чувствам человека, к его душе. Поэтому поэзия не знает границ, но, в то же время, у неё есть яркие национальные черты. Армянской поэзии присущи мотивы изгнания и скитальчества, плача и грусти, любви и жертвенности, ведь многим армянам судьба уготовила жизнь на чужбине. Приеущи эти темы и поэзии Анаит Саркисян. Автору не раз приходилось слышать: зачем такие мелодраматические названия даёт она своим книгам: «Разбитые мечты», «Начало конца»? Но стоит начать читать книгу, и приходит понимание того, насколько органично это название, как отвечает оно духу и пронзительной откровенности стихов поэтессы!

Без конца горят мои мосты
На дорогах, тянущихся к дому.
Сердце и душа мои пусты,
Выжжены до тла, от боли стонут!
В стоне этом – мой печальный зов,
Родины печальная улыбка,
Привкус догорающих костров,
Песня цвета пепла и полыни.

Но помимо традиционной горечи и любви к потерянной земле, в стихах есть острое современное чувство протеста. Оно выражено не риторически, а в присущей автору манере поэтического раздумия.

Кто не плакал горько тёмными ночами,
Не терял рассудок от тоски-печали,
Что такое счастье – просто не поймёт!

Кто, родную землю навсегда покинув,
Не мечтает больше жить в краю любимом,
Что такое родина – просто не поймёт!..

Кто чужою болью сердце не печалит,
Как свою, чужую радость не встречает –
Как живёт он в этом мире, полном света?
В этом грешном мире – как же он живёт?

В стихах Анаит Саркисян много грустной любви, но это светлая, добрая грусть.

В тех краях, где ты ищешь меня,
Я давным-давно не бываю.
Там живёт лишь печаль моя,
И твоя тоска там витает...

В её стихах много огня – от горящей свечи до огненных, испепеляющих чувств, вплоть до настоящих поэтических «заклинаний», которые полны чародейского очарования и жажды жизни.

Как замирает душа
В чудном мерцании свеч!
Каждую ночь, чуть дыша,
Сладко на них мне смотреть...
Пусть же усталый взгляд
Тает в святом огне!
Свечи сладко горят
Каждую ночь во мгле...

Меня судьба несколько раз сводила с Анаит в одних компаниях, на одних вечерах и даже на конференции в Киеве. Оказалось – это не случайно: я стала переводить её стихи. Как-то в Харькове гостил армянский писатель Левон Мириджанян. Он – известный поэт и переводчик ещё с совет-

ских времён. Его связывает давняя дружба с украинскими писателями Иваном Драчем, Виктором Кочевским, Александром Божко. Интерес к украинской литературе воплотился в конкретное творчество: Левон Мириджанян перевёл на армянский язык «Заповіт» Тараса Шевченко, другие стихи и поэмы Кобзаря. Он первым донёс до армянского читателя сочинения Григория Сковороды, переведя стихи из сборника «Сад божественных песней» и басни из сборника «Басни харьковские». Ему, армянскому писателю, была присуждена высокая украинская литературная премия имени Григория Сковороды. В Харьков он приехал впервые, чтобы побывать на Слобожанской земле, в местах, где прошла большая часть жизни философа и поэта Григория Сковороды. Он высоко оценил и поэзию Анаит Саркисян, и мои переводы. Но несомненно переводы удались потому, что оригиналы по-настоящему хороши. Работая над переводами, я увидела и глубину поэзии Анаит Саркисян, и её мудрую доброту, и сердце, полное любви. Я ощутила мелодию стиха, впитавшего печаль каменистой армянской земли, прозрачность горного озера Севан, золото осенних садов, холод одиноких горных вершин.

Писательница много и плодотворно работает. В Харькове выходили у неё книги: поэзия «Дух пещер» (где есть и её переводы на армянский стихов харьковских поэтов), проза «По дорогам борьбы» – документальная повесть о судьбе армянской семьи, сосланной из Армении в Сибирь. Обе книги – на родном для писательнице армянском языке.

Стихи Анаит уже переводили на украинский язык поэтессы Лидия Доценко и Елена Зорич. Украинский поэт Виктор Бойко, для того, чтобы сделать эту работу, специально учил армянский язык. В Киеве вышел сборник на армянском и украинском языках «Дорога вечности».

С 2009-го по 2011-й годы Анаит Саркисян жила в Армении. Помимо того, что она там много выступала – и как поэт, и как общественный деятель, – она, конечно же, много писала. Написана интересная документально-художественная книга «Глазами духа»: это путевые заметки, перемежающиеся поэтическими вставками, посвящённые трагической истории и современной жизни армян в Сирии. «Песня бытия» – это поэма, состоящая из четверостиший на каждую букву армянского алфавита, по сути – рассказ о том, как письменность спасла от гибели армянский народ. Поэма «Мать»... Об этом произведении я хочу сказать подробнее, поскольку именно я её переводила на русский язык.

Поэма уникальна. По сюжету она кажется даже простой: описаны несколько последних дней жизни пожилой армянской женщины, матери автора. Но как много вместило в себя это небольшое произведение! Судьбу не-

скольких поколений трудолюбивой армянской семьи, жизненный путь героини – от детских лет до последних минут, историю армянского народа – трагическую и героическую одновременно, испытания войной, испытания землетрясением... Как ярко высветлен характер главной героини, в котором её чудесные индивидуальные черты олицетворяют высокий дух всех армянских женщин! А как эмоционально окрашена поэма личными переживаниями и воспоминаниями самого автора – дочери у ложа умирающей матери! Так написать не просто, и очень хорошо, что это произведение стало доступно русскоязычному читателю.

У поэтессы есть прекрасное стихотворение: в восьми строчках – и характер её, и судьба, и высокий творческий дух.

Мне от рожденья крыльев не дано,
Но, не склоняясь перед злою силой,
Не падала, как камень я на дно,
А птицею я в небеса парила.
Я знаю боль – она во мне живёт,
Изранена душа и плачет горько.
Но я горда – моих не видно слёз.
Нет крыльев, но взлетаю ввысь – и только!

В этих строчках есть и предвосхищение будущего поэтического взлёта Анаит Саркисян.

«ВЕЛЕНЬЮ БОЖИЮ, О МУЗА, БУДЬ ПОСЛУШНА»

Много лет я была слушателем программы «Слово пастыря» на первом российском канале – бесед, которые вёл митрополит Калининградский и Смоленский Кирилл. Я восхищалась великим философским умом, мощной пасторской силой этого человека, и простым, доступным словом, которым он разъяснял самые сложные вопросы. Тогда ещё я не знала, что он станет нашим Патриархом. В одной из таких бесед тогда ещё митрополит Кирилл говорил о том, что наш век – это век постмодернизма. Того, что признаёт не одну Истину, а множество истин (то есть, каждый имеет право на свою истину). Законодательства многих стран поддерживают самый откровенный грех – двуполые браки, эвтаназию (самоубийство и убийство одновременно), и нам, людям, внушают, что это и не грех вовсе, а одна из истин. Вот так постепенно в сознаниях людей, незаметно для них самих, происходит переоценка ценностей, и уже зло кажется не злом, а даже добром.

А это перевёрнутое, постмодернистское сознание, и есть признак приближения времени Антихриста, приближение Апокалипсиса.

Поразительно, что на службу такому перевёрнутому сознанию становится и литература – то есть, то самое Слово, которое «было вначале». То, которое имеет огромную силу воздействия на человека. И вот уже приверженцы литературного перформанса, концептуализма, суперматизма – всех этих порождений постмодернизма, – заявляют, что новый век требует изменения писательских ориентаций. И вот уже они упоённо воспевают и собственную блевотину после ночной пьянки, и половые извращения, и истекающие кровью человеческие внутренности. А имена этих «литераторов» варьируются во всех средствах массовой информации, навязываются нам, читателям, как образец истинно современной поэзии. Классика, мол, устареела, вот оно – то, что нужно людям сегодня. Книжки подобных творцов пытаются внедрить даже в никольную программу! Слава Богу, учителя становятся преградой их доступа в детские души.

Есть вечные истины. Одна из них звучит так: поэзия – это прекрасно! Как бы умело ни переворачивали восприятие мира, читатель, беря в руки сборник стихов и открывая его, настраивается на встречу с чувствами возвышенными, образами светлыми, добрыми. И чудо происходит – завораживая, совпадая с ритмом человеческого дыхания, льются строки:

Никуда спешить уже не надо.
Вот и речку одолела лень.
На моста облокотясь ограду,
провожаю августовский день.

От дыханья тихих вод пьянею.
Плеск донёсся. Рыба? Нет, волна.
В окнах солнца отблески тускнеют.
Холодает. Явственней луна.

Лунный диск в реке волной расколот:
хоть кусочек, речка, подари!
Сумерки окутывают город.
Город зажигает фонари.

Это – одно из стихотворений поэтического сборника Леонида Пилипенко. Свою книгу автор назвал «Причал романтиков». Вот так откровенно

и естественно он обозначил суть своего творчества – романтизм. И этим сразу же вступил в полемику со всяческими поэтическими «ниспровергателями», сразу же стал на сторону добра, которое есть свет, вера, открытое сердце, любовь. А значит – романтика.

То, что у автора открыто сердце всему, что его окружает, понимаешь, листая страницу за страницей. Гроза ли это над ржаным полем – «что-то запоёт в моей душе», брошенный у дороги столетник в старом горшке – «Так протяни надежды руку... ну, хоть бездомному цветку», березняк, в который автор входит, как в «дивную библиотеку» с желаем «доверить, не таясь, берёсте и сокровенное, своё»...

Да, конечно, автор «Причала романтиков» в первую очередь тонкий лирик. Но когда человек принимает близко к сердцу и саму жизнь, и все её признаки, он просто не может быть аполитичным. Реалии современности присутствуют в стихах. Только автор говорит об этом не в «лоб», не декларативно. Словно бы мимоходом. Вот, по пути в лес, он видит «пруд, что требует ухода...». Или мысли о том, что «Вот так домашнюю собаку на произвол судьбы тайком бросают люди...». Или строки из стихотворения «Кленовый лист»: «... Мужества хватило на невесёлый в общем переезд на склоне жизни в меньшую квартиру». А как окрашивает иным светом стихотворение «Скворечник» неожиданная концовка: «А вдруг скворцы уже не прилетят? Их дом всё лето был необитаем...» Это всё – о нашем времени, когда многое рушится и меняется. Но, повторю, поэт говорит об этом не обличительно – это не его стиль. Он словно бы вводит в свои светлые стихи нотки грусти. И эта грусть – тот воздух, который витает между строк. А это ведь и есть признак мастерства, признак истинной поэзии... Здесь мне хочется привести полностью стихотворение, которое как бы концентрирует авторское восприятие мира – веру в то, что жизнь непрерывна, и что она побеждает все невзгоды.

СЛИВА

Спилили сливу, но не сдался пенёк –
дал жизнь упрямец ладному побегу.
А годы шли. Уж новой кроны тень
к усадьбе ветхой тянется без спеха.

Плоды роняет слива. А потом...
потом настало время расставанья:

вконец пришёл в негодность скромный дом –
вот и разрушен был до основания.

А слива, как и прежде, на виду.
Садовый столик – всё её наследство.
Когда-нибудь хоромы возведут
с раскидистой сливой по соседству.

Необычайно слива хороша.
Её венчает ворон горделивый.
Быть может, дома старого душа
жива – переселилась в эту сливу?

Один из завершающих циклов сборника называется «У древних стен монастыря». О том, что автор – человек верующий, православный, догадываешься и раньше: из всего строя, из всей тональности его стихов. Хотя и здесь он не изменяет себе – никакой белеречивой декларации, а простые, скромные слова признания. Как, например, в стихотворении «Дом скворцам верну», когда рассказ о сделанном добром деле автор завершает словами: «Я не пощусь – хоть так очищу душу». И это откровенное признание очень трогает и запоминается: да, не всегда мы соблюдаем церковные каноны и правила, но ведь главное – это стремление жить по Божеским законам... Стихи цикла посвящены нашему Харьковскому Свято-Покровскому мужскому монастырю, где автор, похоже, бывает часто: «Снег с лавочки смахну – присяду. О, яркий небосвод какой!» Здесь он отдыхает. Здесь, в монастырском дворе он любит розы: «светом храмов осияны розы дивно хороши», дубами: «Три дуба по воле судьбы – три стража двора монастырского», щебетом птичьих стай:

Сугробы всё ещё упрямы.
Великий пост. Весна в пути.
А на берёзке возле храма
кормушка для весёлых птиц.

Но поэт так устроен, что не может просто наблюдать и констатировать, не может только радоваться и наслаждаться. Его поэтическое восприятие мира настроено на многоголосие струн: тронешь одну – отзываются другие. Ассоциации, воспоминания, связь времён... И вот уже автор признаёт-

ся: «Влечёт меня к стене алтарной мемориальная доска». И вспоминает одну из трагических историй, которая, увы, была не единственной для монастырей и храмов нашей страны в 20–30-е годы минувшего века.

...Здесь, под алтарною стеной,
где воздух городской – хрустальный,
где личная печаль мала,
покоились в могиле тайной
монахов этих двух тела...

Леонид Пилипенко писал стихи в юности. Потом были долгие годы молчания, хотя работа его была связана с литературным творчеством – журналистика. Но тот, кто «причастился» поэзии, непременно к ней возвращается, сколько бы времени ни прошло. И вот с книгой «Причал романтиков» к читателям вернулся уже зрелый и состоявшийся поэт. Поэт, чьё кредо – лучшие традиции классической русской поэзии. Те самые, которые назвал ещё Александр Сергеевич Пушкин в своём «Памятнике»: «...чувства добрые я лирой пробуждал» и «Веленью божию, о муза, будь послушна».

И, коль речь пошла о русской классической поэзии, хочу вспомнить ещё и Александра Трифоновича Твардовского. У него в истинно русской и истинно народной поэме «Василий Тёркин» есть строки:

«И читатель вероятный
Скажет с книжкою в руке:
– Вот стихи, а всё понятно,
Всё на русском языке».

Твардовский уже тогда словно бы давал отпор нынешним постмодернистам, препарирующим язык себе в угоду. И я просто рада тому, что читатель, который возьмёт в руки книгу Леонида Пилипенко, сможет произнести подобную фразу: «Всё понятно, всё на русском языке».